

*Элен
Форс*

Месть
подают
горячей ♥

Элен Форс

Месть подают горячей

«Литнет»

2026

Форс Э.

Месть подают горячей / Э. Форс — «Литнет», 2026

Тварь я дрожащая или право имею? Что делать? Как жить, если муж изменяет мне с лучшей подругой? Плакать? Просить вернуться? Попробовать понять почему она, а не я? Или наставить ему рога? Разрушить его бизнес? Оставить ни с чем? Второй вариант мне нравится больше.

© Форс Э., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

1

— Кажется, Истомин мне изменяет, — признаюсь Лере, наваливаясь на стол в ресторане. — Я случайно нашла в его машине помаду. Чужую помаду.

Стоит произнести это вслух, как горло сдавливает невидимой рукой и мне становится трудно дышать. Даже провожу ладонью по шее, чтобы убедиться, что это психосоматика, а не меня действительно кто-то душит. Кожа под пальцами теплая, пульс бьется слишком быстро.

Мы с Владом пять лет в браке, а до этого еще два года встречались в институте. Он мой первый и единственный мужчина. Я хочу прожить с ним до глубокой старости, чтобы все было как у моей бабушки с дедушкой, как у мамы с папой. Чтобы мы знали друг о друге все, ссорились из-за ерунды, мирились и однажды стали теми стариками, на которых молодые смотрят с умилением.

— Не говори глупости, Тань, — подруга отмахивается от моих опасений и отпивает кофе. — Вы с Истоминным идеальная пара. Он никогда не изменит тебе. Это все твоя тревожность.

Хотела бы я быть в этом уверенной. Хотела бы так же легко махнуть рукой и выбросить из головы красную помаду.

Последний год я немного поправилась из-за гормонального лечения. Ничего критичного, но фигура заплыла, одежда стала сидеть плотнее, а в зеркале я все чаще задерживалась не для того, чтобы полюбоваться собой. Влад мне ничего не говорил, не делал замечаний, не смотрел с откровенным недовольством. Но я чувствовала, что он не очень доволен моей внешностью. Или сама придумала это и теперь каждый его взгляд подгоняю под собственные страхи?

— Тогда как помада попала в его машину? — спрашиваю ее шепотом, чтобы наш разговор не услышал официант. Он как раз расставляет на соседнем столике тарелки и делает вид, что занят только ими.

— Коллегу подвозил. Сестру. Маму, — перечисляет Лера с таким невозмутимым спокойствием, будто у нее на все случаи жизни заранее заготовлены очевидные ответы.

И, когда она так говорит, я тоже начинаю успокаиваться. Сначала медленно выдыхаю, потом тихо смеюсь над своими глупыми переживаниями. Ну действительно, мало ли откуда в машине могла взяться помада? Машина — не стерильная операционная.

— Слушай, вы с Владом пытаетесь завести ребенка. Какая измена? Не надумывай.

Может быть, я и вправду на гормонах стала слишком эмоциональной? Врач предупреждал, что лечение может влиять на настроение. Но разве гормоны способны придумать помаду? Или они просто делают из маленькой детали катастрофу?

Провожу рукой по шее. Нервы ни к черту. Все из рук валится. Нашла эту помаду, напредставляла себе черт знает что, выдернула Леру из дома и теперь сижу тут, расклеенная и ною. Как она меня терпит?

Мы с Лерой с первого класса вместе. Она мне как сестра, которой у меня никогда не было. Если у меня что-то случается, я сразу бегу к ней. Радость, неприятности, ссоры с Владом, результаты анализов — она знает обо всем. И для нее я сделаю все, что угодно.

В отличие от меня, Лера не замужем и даже ни с кем не встречается. Ей не везет с личной жизнью. Она шутит, что мужчины чувствуют ее независимость на расстоянии и разбегаются, но иногда я вижу, как она задерживает взгляд на счастливых парах. В такие моменты мне хочется обнять ее и отдать хотя бы половину собственного счастья, если бы его можно было разделить.

Лера одна из тех блондинок, на которых люди невольно оборачиваются. Ее светлые волосы мягкими волнами спускаются ниже плеч, красиво обрамляя овальное лицо. Большие серо-голубые глаза смотрят внимательно и насмешливо, а длинные ресницы делают взгляд почти кукольным. У нее аккуратный прямой нос, четко очерченные губы и небольшая родинка

у левой скулы. Лера красивая без нарочитости: даже в простой одежде и почти без макияжа выглядит так, будто только что вышла из дорогого салона красоты.

— Ты же знаешь, как я завидую твоей семейной жизни, — хитро успокаивает она меня, поглаживая по руке. — Поэтому выброси все дурные мысли и спроси лучше у Влада, откуда помада. Уверена, что ответ будет самым очевидным.

— Знаешь, просто последнее время наши отношения стали прохладными, — признаюсь я, рассматривая узор на скатерти. — Я чувствую, что он больше не смотрит на меня так, как раньше. Поэтому внутри меня клубится эта подозрительность. Я будто постоянно высматриваю подвох.

— Я вижу. Но пора с этим завязывать. Расслабься. На таком стрессе не забеременеть.

Она говорит это без упрека, но я все равно съеживаюсь. Будто сама не знаю, что каждый месяц жду результата с таким напряжением, словно от одной полоски зависит, имею ли я право радоваться.

Мы сидим с Лерой еще час в ресторане. Я рассказываю ей последние новости от моего гинеколога, который пока никак не может порадовать меня хорошими новостями. Забеременеть у меня не получается уже полгода, какие бы позы я ни принимала во время секса и какие бы гормоны мне ни кололи в живот.

Сначала мы с Владом смеялись, искали в интернете советы, шутили над календарем овуляции. Потом шутки закончились. Остались графики, тесты, таблетки и тревожное ожидание.

В этой погоне за ребеночком я уже и забыла, как это — заниматься сексом с мужем просто ради удовольствия. Теперь у каждого прикосновения будто есть цель, а у каждого пропущенного дня — цена. Не исключая, что уже и Влад устал от всех этих попыток. Только он не жалуется. Он вообще почти ни на что не жалуется, и от этого мне иногда еще страшнее.

Замечаю, как в ресторан заходит Влад. На него сразу обращают внимание все женщины, сидящие ближе к входу. Высокий блондин в безупречном пуловере и белых джинсах. Он всегда умел произвести впечатление. Даже сейчас, когда я вижу его через зал и сердце у меня неприятно сжимается, он выглядит так, будто вышел из рекламы идеальной семейной жизни.

Он быстро находит нас глазами и направляется к столику. Лера заметно выпрямляется.

— Прости, он переживал, что ты ему не отвечаешь, и я написала, где мы, — признается она, наклоняясь ко мне. — Веди себя хорошо. Ты сама все напридумывала.

— Да. Спасибо.

Влад подходит к нашему столику, наклоняется и целует меня в губы. Поцелуй короткий, почти привычный, но смотрит он при этом немного с упреком. Или мне только кажется? Я уже не понимаю, где его эмоции, а где мои догадки.

После этого он чмокает Леру в щеку.

— Ну ты, мать, и напугала меня.

— Прости.

Он садится рядом и гладит меня по коленке. Ладонь теплая, знакомая. Я почти сразу расслабляюсь, но мысль о помаде никуда не исчезает. Прячется где-то внутри, как заноза, которую пока не получается вытащить.

— Я уже хотел в полицию писать заявление, что у меня жена пропала, — добавляет Влад, пытаясь пошутить.

Лера смеется. Я тоже улыбаюсь, хотя улыбка выходит слабой.

Влад проводит большим пальцем по моей коленке и смотрит на меня внимательнее.

— Танюш, ты чего такая бледная?

Я открываю рот, чтобы спросить про помаду, но слова застревают. Боюсь быть ревнивой идиоткой – истеричкой.

— Не хорошо себя чувствует. — приходит мне на помощь Лера. — Поухаживай за женой лучше. Не видишь, она вся озябла.

--

Девчонки, привет!

Эта книга родилась в заметках на телефоне этой весной. Я возвращалась из отпуска и попала в план-ковер перед 9 мая, просидела в самолете +/- 20 часов... и пока сидела писала роман на коленке, чтобы хоть как-то скоротать полет. После чего забыла об этом благополучно, пока не стала чистить память на телефоне.

Мне показалось, что Вы должны это увидеть. Легкий рассказ с юморинкой и горчинкой. Объем небольшой. Проды будут выходить ежедневно.

Как и всегда все образы ГГ выложу в ТГ.

2

Мы с Владом познакомились на квартирнике нашего общего друга. В квартире было душно, громко и тесно, кто-то сидел прямо на полу, кто-то спорил о музыке, а из кухни постоянно доносился пьяный смех. Но стоило мне увидеть Влада, как все остальные люди вокруг будто размылись.

Он понравился мне сразу. Я бы даже сказала, что меня пронзила любовь с первого взгляда.

Высокий. Красивый. Остроумный. Перспективный. Он смотрел на меня и улыбался глазами, почти не моргая. Сам Влад потом говорил, что не мог насмотреться и просто не верил, что такие красивые девушки, как я, существуют в жизни, а не только на фотографиях.

Рядом с ним я робела и не знала, как себя вести. Сразу начинала поправлять волосы, теревить край кофты и говорить какую-то ерунду. Я всегда была скромной отличницей, которая старалась не привлекать к себе лишнего внимания. Только в институте стала позволять себе ходить на шумные вечеринки — и то никогда не пила алкоголь и нигде не оставалась с ночевкой.

Не потому, что мне не разрешали родители. Просто не было желания. Мне нравилось возвращаться домой, принимать душ и ложиться в свою кровать, а не выяснять под утро, чей это диван и почему на нем спит незнакомый человек.

Влад же весь вечер крутился вокруг меня. Приносил напитки, отодвигал с дороги слишком шумных людей, смешил и каждый раз находил повод снова оказаться рядом. Под конец он уговорил меня остаться с ночевкой у друга.

Мы проговорили с ним весь вечер и все утро. Заснули только в десять часов, в одной кровати, держась за руки, будто боялись, что если отпустим друг друга, то все окажется сном. Проспали до самого вечера, а когда проснулись, я уже окончательно поняла, что пропала.

Наши отношения стали бомбой в университете. Их обсуждали все, кому не лень, целый месяц. Генеральская дочка стала встречаться с главным сердцеедом университета. Многие даже подначивали Влада поскорее сорвать цветок, а я, когда слышала эти разговоры, краснела так, что, казалось, у меня горели уши.

Влад на такие шутки только смеялся и никому не позволял переходить границы. Маме он сразу понравился, а папа долго к нему присматривался. Папа вообще не доверял людям, которые слишком легко нравились окружающим. Но со временем и он сдался.

Теперь родители души во Владе не чаяли и называли его идеальным зятем.

Влад на самом деле был хорошим мужем. Выросший в многодетной семье, он очень ценил семейные ценности и дорожил нашими отношениями. Помнил дни рождения всех моих родственников, звонил маме по праздникам и никогда не приходил домой с пустыми руками. Даже если задерживался, обязательно предупреждал.

За все эти годы он ни разу не дал мне усомниться в своей любви. Только последний год мне постоянно мерещились измены, которые потом оказывались разными случайностями, прекрасно объяснимыми и совершенно невинными.

Я вела себя как дура.

И мне было жутко стыдно за это.

— Прости, что устроила истерику. Опять, — извиняюсь перед ним, пряча взгляд. — Просто увидела красную помаду, и меня накрыло.

— Я уже привык, — выдает он тихо.

Влад нависает надо мной и смазывает член смазкой на водной основе, которую нам порекомендовал гинеколог. Последние полгода меня мучила сухость, моей смазки просто не хватало. Врач предполагала, что это из-за гормональной терапии.

Сегодня у меня была овуляция, и мы не могли пропустить этот день. Теперь интимная близость тоже превратилась в расписание с мероприятиями, которые нельзя переносить без уважительной причины.

Влад подтягивает мои бедра к краю кровати, а я развожу ноги так широко, как позволяет мне растяжка. Он привычно приставляет головку ко входу и медленно начинает входить.

Я выдыхаю и прикусываю губу.

Никогда не была страстной натурой, способной заняться сексом в машине или готовой к анальному сексу. Но заниматься любовью мне всегда нравилось. В этом было что-то теплое, доверительное, только наше.

Поэтому сейчас немного горько от того, что наш секс стал механическим и направленным только на зачатие. Мы больше не теряем голову друг от друга. Мы сверяемся с календарем.

Влад полностью входит в меня и начинает методично толкаться.

— Завтра мне нужно в командировку в Казань. Там у нас встреча с китайцами. Но в четверг утром уже вернусь, поэтому график зачатия не будет нарушен, — буднично сообщает он мне о своем отъезде.

Я продолжаю смотреть на потолок, чувствуя себя максимально неловко. На белой поверхности есть маленькая трещина. Я уже видела ее раньше, но сейчас рассматриваю так внимательно, будто сейчас нет ничего важнее.

— Ладно...

— Если хочешь, закину тебя к родителям. Мама твоя мне сегодня звонила и спрашивала, как у нас дела. Я сказал, что пока все без изменений. Не стал рассказывать, что ты хочешь поменять врача. Сама скажи ей об этом.

— Хорошо. Спасибо.

Он сжимает мне грудь через ночную рубашку. Я пытаюсь напрячь мышцы таза, чтобы помочь ему быстрее подойти к финишу. Хочется, чтобы все закончилось, но одновременно я испытываю вину за эту мысль. Влад старается. Он рядом. Он делает все, что может.

Влад делает еще несколько толчков и кончает в меня.

После чего я забрасываю ноги на стену и лежу так еще пять минут. Тело постепенно расслабляется, а в комнате слышно только наше дыхание.

Говорят, что это все бесполезная история, но я решаю не рисковать. Вдруг именно сегодня сработает? Вдруг через несколько недель я увижу на тесте две полоски и все эти неловкие, запланированные ночи окажутся не напрасными?

--

Не забываем ставить звездочки книге.

3

— Танюх, в кого ты такая у меня? — причитает мама, покачивая головой. — Ни маникюра, ни педикюра... Забросила себя, а сейчас сидишь кислая и не понимаешь, почему с мужем искра пропала. А что ты сделала, чтобы эта самая искра горела?

Моя мама — жена генерала, и это чувствуется в ней даже тогда, когда она просто сидит за кухонным столом и размешивает сахар в чае. Она держит спину прямо, говорит четко, почти как на докладе, и смотрит так, будто привыкла видеть людей насквозь, даже если они очень стараются спрятаться за улыбкой. На ней аккуратная домашняя кофта, волосы собраны, ногти короткие и ухоженные. Мама не терпит жалоб, пустых оправданий и попыток пожалеть себя.

Она прямолинейна до боли. Если я поправилась, мама скажет, что мне пора меньше есть сладкого, а не будет утешать, что я просто отекла после соленой рыбки. Если я ошиблась, объяснит, где именно, не смягчая формулировок и не подбирая слова, чтобы я случайно не расстроилась. Иногда после ее замечаний хочется закрыться в ванной и плакать, желательно так, чтобы она не услышала.

Мама любит «делами», а не словами. Она помнит, какие таблетки я принимаю, во сколько у меня прием у врача и что я терпеть не могу укроп в салате. Всегда звонит, если я долго не отвечаю, и делает вид, что просто хотела узнать, где сейчас можно купить ее любимый крем для лица. Хотя прекрасно знает, что я сразу догадаюсь: она проверяет, жива ли я и не случилось ли чего-нибудь.

Ей можно позвонить в любое время дня и ночи. Мама быстро соберется и приедет в любую точку города, чтобы помочь, привезет лекарства, еду и запасную кофту, если на улице холодно. Но никогда не станет утешать и вытирать сопли, как говорит она сама.

Рядом с папой мама никогда не растворялась в его звании и должности. Она была его женой, опорой и единственным человеком, который мог сказать ему в лицо, что он ведет себя как упрямый осел. Мама вообще не повышает голос без необходимости. Ей достаточно слегка приподнять бровь, чтобы все в комнате вспомнили, кто здесь настоящий генерал.

— Мам... — я хотела услышать слова поддержки, а не очередной разбор моих недостатков. — Я работаю двадцать пять часов в сутки, в свободное от работы время обследуюсь. Из-за гормональной терапии мне постоянно плохо. Я просто не в состоянии делать еще маникюр, педикюр, лазерную эпиляцию...

— А женщина всегда должна быть в состоянии, — мама упирает руки в бока и смотрит на меня так, будто я только что доложила о самовольном оставлении части.

— Это физически невозможно.

— Невозможно — это когда тебя уже отпевают в церкви. А маникюр можно сделать даже в плохом настроении.

Закатываю глаза. Спорить с мамой, когда она вошла в режим семейного консультанта, примерно то же самое, что спорить с поездом, который уже отправился.

— Знаешь, я за свою долгую жизнь насмотрелась, как мужья бросают жен и уходят к любовницам, — продолжает мама, снова садясь за стол. — И к любовницам не моложе, а к тем, кто хи-хи-ха-ха всегда, с которыми проблем не гора.

— Очень обнадеживающая статистика.

Родители большую часть жизни прожили в военных городках и частях, а там столько историй из соседской жизни, что никакому сериалу не снилось. Мама знает, кто кому изменил, кто от кого ушел и кто потом вернулся с цветами и обещаниями начать новую жизнь.

— Ты у меня красавица, умница! — мама наконец смягчается и пододвигает ко мне чашку с ромашковым чаем. — Тебе чуть-чуть себя привести в порядок, перестать хандрить — и цены тебе не будет.

Она говорит это так уверенно, что я почти верю. Почти. Но глубоко в душе все равно обидно, что нужно что-то делать, чтобы меня ценили.

— И лучше бы не сидела тут со мной, а купила билеты на самолет и полетела в Казань!

Мама наклоняется ко мне через стол. В ее глазах появляется тот самый блеск, который обычно означает: сейчас будет план. И этот план, скорее всего, уже утвержден, согласован и не предполагает моего отказа.

— Заявилась в номер к мужу в плаще на голое тело... И вот тебе искра! – она делает руками взмах – вуа ля!

Я моргаю.

— В плаще? – переспрашиваю осторожно?

— А что? Очень эффектно. Ты еще можешь взять красивое белье, каблуки. Только не это твоё бесформенное, — мама неопределенно машет рукой в сторону моей кофты. — Влад тебя увидит и забудет, как его китайцы выглядят.

А ведь это идея. У нас давно не было ничего романтического.

Я аж вся разгораюсь. Внутри впервые за долгое время появляется не тревога, а азарт. Представляю лицо Влада, когда он откроет дверь гостиничного номера и увидит меня вместо очередной деловой встречи. Представляю, как он перестанет говорить о работе и посмотрит на меня так, как раньше.

— Слушай, а это идея!

— Конечно, идея. У меня тридцать три года стажа в браке. Я знаю о чем говорю!

Никогда такого не делала, мне это совершенно несвойственно. Я обычно согласовываю поездки с Владом, собираю чемодан за неделю и заранее составляю список всего, что может пойти не по плану.

Влад точно ничего подобного от меня не ожидает и сильно удивится!

Уверена, что это пойдет нам обоим на пользу. Может быть, нам действительно нужно вырваться из бесконечного расписания, анализов и разговоров о детях. Хотя бы на одну ночь вспомнить, что мы не только будущие родители, но еще и муж с женой.

Настроение поднимается так быстро, что я сама не успеваю за ним.

Вскакиваю на ноги, чуть не опрокинув чашку, и бегу за телефоном. Мама провожает меня взглядом, но не останавливает. Только успевает крикнуть вслед:

— И плащ не забудь!

— Мам!

— А что? Ты же за искрой собралась!

--

Вот такие советы от мам - нужны всем! хах)

4

Узнать, в какой гостинице остановился Влад, не проблема. Мне помогает старый папин друг, работающий в ФСБ. За десять минут он сообщает название гостиницы, в которой остановился муж. Я бронирую номер там же, убеждаюсь, что Влад действительно в гостинице, и приступаю к реализации плана.

Летом на день рождения сестра Влада подарила мне комплект эротического белья. Скорее в шутку, как приложение к основному подарку. Тогда я посмеялась, поблагодарила и убрала коробку подальше, потому что совершенно не представляла, когда смогу его надеть.

Но сейчас мне кажется, что момент идеальный. Самое время выгулять подарок и разжечь искру в браке до настоящего пожара.

Достаю коробку из шкафа и несколько секунд смотрю на черный кружевной комплект. Он выглядит так, будто предназначен женщине, которая умеет соблазнять одним взглядом и никогда не сомневается в собственной привлекательности. Я такой женщиной себя не чувствую, но сегодня придется попробовать новую роль.

Ощущение чего-то нового разжигает меня изнутри.

Надеваю белье, едва не порвав тонкие лямки. Комплект еле налазит на мою сочную задницу и грудь, заметно увеличившиеся в размере из-за гормональной терапии. В зеркале я кажусь себе непривычной. Слишком открытой, слишком нарядной и одновременно ужасно уязвимой.

Поверх надеваю лаковый тренч тёмно вишневого цвета, обуваю красные лодочки и в последний раз оглядываю себя в зеркале. Красные губы, распущенные волосы, каблуки. Впервые за долгое время я чувствую себя красивой и соблазнительной.

Внизу, на ресепшнере, девушка сначала смотрит на меня с легким удивлением, потом быстро берет себя в руки. Даже дает мне ключ за символическую плату, но я честно показываю паспорт и свидетельство о браке, говоря прямо, что решила устроить мужу сюрприз. Уверена, что она догадывается, что под тренчем ничего нет.

Волнение нарастает, когда я выхожу из лифта и иду по ковру вдоль коридора к нужному номеру. Влад будет в шоке, но в каком...

Открываю дверь номера и проскальзываю внутрь. Люкс встречает меня приглушенным светом, запахом дорогого парфюма и скрипом кровати.

Влад всегда любил жить с размахом, но он мог себе это позволить. Его компания сейчас пользовалась огромным успехом. Он занимался кибербезопасностью, выполнял государственные заказы и зарабатывал столько, что цена гостиничного номера давно перестала быть для него важной.

Я тихо прикрываю за собой дверь и делаю шаг вперед.

Первое, что бросается мне в глаза — красные трусики на бежевом ковре. Красные, кружевные, совершенно чужие.

Влад такие точно не носит.

Сначала я даже не понимаю, почему продолжаю на них смотреть. Потом до моего слуха доносятся протяжные стоны и глухие шлепки тел. Звуки идут из глубины номера.

Ноги прирастают к полу.

Я не могу найти в себе смелость пройти вперед и увидеть лицо мужа. Но и сбежать не хватает сил. Рука все еще лежит на дверной ручке, пальцы побелели от напряжения. Я так и стою, слушаю, как мой тщательно придуманный сюрприз превращается в самое страшное открытие в моей жизни.

Глаза постепенно привыкают к полумраку. На столе стоит большое зеркало, и в его отражении я вижу тонкую спину блондинки, скачущую на мужчине.

По всему позвоночнику девушки, от шеи до самых ягодиц, тянется татуировка — змея. Очень символично. Ее тело двигается в такт, и на мгновение мне кажется, что змея тоже оживает, изгибается и ползет по ее коже.

Я прекрасно знаю эту татуировку.

Знаю, как она выглядит в деталях. Помню, как держала Леру за руку, когда мастер набивал ей рисунок. Она тогда до боли сжимала мои пальцы и ругалась сквозь зубы, а я убеждала ее, что самое болезненное место уже осталось позади, хоть и не понимала, зачем Лере татуировка.

— Я кончу сейчас, — сипло предупреждает Влад. — Можно в тебя?

Я перестаю дышать. Внутри все сжимается так, будто меня ударили в живот.

— Да. Я на таблетках, — отзывается Лера. — Как, кстати, беременность Танечки?

Несколько секунд слышны только тяжелое дыхание и влажные звуки движения.

— Никак, — отвечает Влад. — Я ей так же подсыпаю таблетки. Надеюсь, эта дура не умудрится залететь от меня. Я этого не переживу.

Его смех режет горло, как бритва.

— Заебала она меня, если честно. Скоро буду пить допинг, чтобы ее трахать.

Я не сразу понимаю смысл сказанного. Слова будто доносятся из-под воды, но каждое все равно находит меня.

— Представляй меня, пока ее трахаешь, — Лера меняет скорость, теперь извивается всем телом так, что издали кажется, будто змея на ее спине начинает двигаться. — Тебе нельзя с ней разводиться.

Влад тяжело стонет. В его голосе столько муки и обреченности, что меня почти выворачивает.

— Знаю... Еще годик, а потом можно будет послать ее на хуй... Быстрее б уже.

Годик.

Я цепляюсь за дверную ручку, потому что пол под ногами вдруг начинает ходить ходуном. Для него я не жена, не любимая женщина и не человек, с которым он прожил семь лет. Временная обязанность. Помеха, которую нужно терпеть еще год.

— И тогда ты будешь полностью мой...

Лера стонет, запрокидывая голову. Ее пальцы впиваются Владу в плечи.

— Да... Да... Влад!

5

Я не помню, как выскользнула из номера, как вышла на улицу и зашла в бар через дорогу. Все происходящее — как во сне. Наверное, я спустилась на лифте, прошла мимо той самой девушки на ресепшине, которая дала мне ключ. Возможно, даже что-то ей сказала. Не помню.

Перед глазами проносилась вся моя жизнь. Все годы рядом с Владом и Лерой. Наши фотографии, праздники, разговоры на кухне. Лера, поправляющая мне фату перед свадьбой. Влад, целующий мои пальцы. Такие теплые, дорогие воспоминания, к которым теперь страшно прикасаться.

Это не просто измена. Это двойное предательство. Не удар в спину от случайного знакомого, а удар в самое сердце от самых близких людей.

Последний год мне казалось, что Влад стал другим и изменяет мне. В такое верить не хотелось, но и отрицать очевидное я не могла. Замечала, спрашивала, плакала. А потом извинялась за свои подозрения.

Господи, я ведь еще извинялась.

Но Лера... С Лерой мы всю жизнь как сестры. Я рассказывала ей то, в чем боялась признаться самой себе. Она знала, как сильно я люблю мужа, как хочу ребенка, как жду каждый месяц и что чувствую, когда снова ничего не получается.

Как она могла так поступить со мной? Как вообще смотрела мне в глаза?

Это что получается, вся моя жизнь... ложь?

Я вроде никогда никому не делала ничего плохого. Не обманывала, не устраивала подлянок, всегда была открыта для людей. И какой итог? Друзей у меня нет. Одни знакомые и товарищи, которым даже не позвонить, чтобы пожаловаться на жизнь.

Подруга трахает моего мужа и вешает мне лапшу на уши, чтобы я от него не ушла. Гладит по руке, убеждает не надумывать. Наверное, потом они еще и обсуждают, как легко меня успокоить.

Муж делает вид, что любит, потому что... А зачем, кстати? Наверное, из-за отца. Папа поддерживает бизнес Влада. Один тот факт, что он зять моего отца, открывает ему доступ ко многим влиятельным людям.

Еще годик.

Почему именно год? Что должно произойти за это время? Я пытаюсь ухватиться за этот вопрос, но мысли путаются. Стоит вспомнить голос Влада, как меня снова начинает трясти.

Он подсыпает мне таблетки. Травит меня...

— Девушка...

Поднимаю глаза и понимаю, что бармен уже, кажется, целую минуту машет рукой перед моим лицом.

Я стою у деревянной стойки с одним телефоном, в тренче, надетом на нижнее белье. Под ногами перекидаина высокого стула, рядом чьи-то локти, бокалы. Играет музыка. Люди разговаривают, смеются, выбирают, что выпить. Все вокруг ведут себя совершенно обычно, и почему-то это кажется неправильным.

— Вы пить будете?

На часах шесть вечера. Я в принципе не пью алкоголь, даже не пробовала никогда. Но, кажется, сейчас идеальный момент это сделать.

— стакан виски. Без льда. До краев.

Бармен на секунду задерживает на мне взгляд. Я смотрю в ответ, стараясь не моргать. Очень не хочется сейчас ничего объяснять. Ни ему, ни кому-либо еще.

Чувствую, как на меня оборачивается парень, сидящий с друзьями. Оглядывает с интересом, не скрываясь. Его взгляд пошло скользит по красным лодочкам, голым ногам и блестя-

щему тренчу. В этом взгляде столько оценки, что я сжимаю ягодицы от неловкой робости и придвигаю колени друг к другу.

Оплачиваю заказ через СБП. Палец не сразу попадает куда нужно, приходится повторить. Бармен ставит передо мной стакан виски, и я убираю телефон на стойку.

Беру стакан дрожащими руками. Янтарная жидкость колыхнется почти у самого края. От нее резко пахнет спиртом, и я невольно отвожу лицо.

— Так... Полегче, красотка. — Стул рядом скрипит, и парень поднимается на ноги. Он оказывается настоящим гигантом. Высокий здоровяк в кепке и со смешными усами без бороды. Так еще кто-то ходит? Приходится поднять подбородок, чтобы посмотреть ему в лицо. — Что бы у тебя там ни случилось, это не решение проблемы.

Он выше меня на голову, а в ширину — как три меня. Стоит близко, заслоняя часть зала, и смотрит уже не на ноги, а на стакан в моих руках.

— Почему? — Голос звучит истерично. Одно короткое слово, а я почти срываюсь на крик. Сама от себя такого не ожидаю.

Он накрывает мою дрожащую руку своей, обжигая теплом. Моя рука кажется невероятно крошечной в его грубой лапе. Чувствую жесткую кожу, мозоли на ладони. Совсем незнакомое прикосновение, от которого хочется отдернуться.

— Ну, по тебе видно, что ты пить не умеешь, — он лыбится дерзко и широко. Мне бы его уверенность в себе. — Натворишь дел...

Смотрю на его ладонь поверх своей. Еще один человек, который знает, что мне нужно делать. Даже имени моего не спросил, а уже разобрался в том, что мне нужно.

Выдергиваю руку, расплескивая часть напитка на стойку и тренч. Виски стекает по пальцам, забирается под манжет. Не обращаю внимания. Демонстративно подношу стакан к губам и начинаю делать жадные глотки.

Первый обжигает рот. Второй с трудом проходит в горло. Хочется закашляться, отстранить стакан, вдохнуть, но я упрямо продолжаю.

Обычно я как овца покорная. Молча делаю, что говорят. Стараюсь не спорить, не доставлять неудобств, не расстраивать близких. Но сейчас хочется воспротивиться и пойти против системы.

Если бы я не слушала Леру, а думала своей головой проходила бы в овцах меньше...

— О-о-о! — мне начинают аплодировать все, кто рядом. А парень с жадным интересом смотрит как я пью. Он не мигает, придвигается чуть ближе, будто готов поймать, если я упаду после того, как допью все содержимое стакана.

— Пить умеешь. — хвалит, когда я со звоном на весь бар ставлю пустой стакан на стол. Аплодисменты становятся громче. Мои щеки яркие.

— В первый раз в жизни выпила алкоголь. — признаюсь и он смеется, усы подрагивают, голова запрокинута назад. Его ладонь уже переместилась на мою талию. — Повторите, пожалуйста.

— Нет, с тебя хватит. — решает он и отталкивает от стойки.

— А кто ты такой, чтобы решать хватит с меня или нет... - вспыхиваю как спичка.

— Добрый самаритянин...

— Да? Иди на хуй, самаритянин. — отодвигаю его и цепляюсь снова пальцами за стойку. — Мне кто-нибудь нальет виски? Или мне самой налить себе?

6

— Как тебя зовут? — самаритянин не собирается сдаваться. Становится рядом и как лабрадор смотрит на меня своими большими добрыми глазами. Но я больше не верю мужчинам. Особенно тем, у кого большие добрые глаза. У Влада тоже очень хороший взгляд. Мама до сих пор считает, что у него все на лице написано.

— Допустим, Роксана, — хихикаю от этого имени. Оно вылетает само. Понятия не имею, почему именно Роксана, но Таней сейчас быть не хочется. Таню жалко. Таня - овца.

Алкоголь начинает делать свое дело. Щеки горят, а говорить почему-то становится проще. Слова больше не приходится проверять перед тем, как выпустить наружу.

— Допустим, поверил. Меня Алеша зовут.

— Алеша Попович. Богатырь просто.

Трогаю здоровенный бицепс на его руке. Сначала осторожно, кончиками пальцев, потом зачем-то обхватываю ладонью. Не получается. У Влада таких никогда не было. Муж всегда был подтянутым, но не качком.

Алеша опускает взгляд на мою руку и улыбается. Видимо, считывает это как разрешение прижаться ко мне плотнее. Его плечо оказывается совсем рядом с моим, и мне приходится чуть повернуться, чтобы между нами осталось хоть какое-то расстояние.

Бармен ставит виски, и я тут же тяну к стакану руки.

— Не торопись. Сейчас мне нальют, и выпьем вместе. Может, расскажешь, что за повод?

Он снова отбирает у меня стакан, вызывая искреннее возмущение. Просто передвигает его к себе, придерживая за край. Для первого встречного в баре он слишком нагл.

— Не хочу! — почти кричу. Несколько человек оборачиваются. Мне все равно. Я смотрю на Алешу, ожидая, что он начнет допытываться. Спросит, кто обидел, предложит разобраться. От одной необходимости произнести вслух хоть что-то о Владе и Лере к горлу подступает тошнота.

Нас примиряет бармен, ставя перед моим новым знакомым бутылку пива. Алеша наконец возвращает мне виски и поднимает свободную ладонь, будто сдается.

— Ладно. Рок-са-на. Давай просто выпьем за знакомство.

Он произносит выдуманное имя по слогам, с явным удовольствием. Ударяет бутылочкой о мой стакан и делает глоток.

На этот раз делаю всего один глоток виски и морщусь. Горло снова обжигает, а во рту остается такой вкус, что хочется высунуть язык. Не понимаю, как люди пьют это с удовольствием. Еще и разбираются в каких-то нотках. Я пока различаю только одну — горечь.

Алеша подталкивает ко мне плитку только что открытого горького шоколада. Отогнутая фольга тихо шуршит по стойке. На его губах все еще гуляет улыбка.

Отламываю кусочек и кладу в рот. Смотрю на его руки, пока он поправляет обертку, чтобы шоколад не лежал на голой столешнице. Большие руки. Длинные и толстые пальцы.

Кстати, Алеша очень привлекательный. Не банальный красавчик, а интересный мужчина со своим стилем, который подкупает. Сначала я заметила только размеры и усы, а теперь рассматриваю внимательнее. Он, конечно, замечает, но нисколько не смущается. Стоит спокойно, дает мне возможность изучить себя со всех доступных сторон.

Высокий, мускулистый, одет просто, но со вкусом. Синие джинсы, белая футболка, плотно облегающая плечи, на ногах белые кроссовки Оп. На голове синяя кепка с акулой. Этот бренд очень нравится моему папе, но название никак не вспоминается. Я даже ненадолго застреваю взглядом на вышивке, словно сейчас это самое важное.

И главное его украшение — усы. Густые, шикарные черные усы. При этом сам мужчина коротко стрижен. Еще недавно мне казалось, что выглядит смешно, а теперь хочется посмотреть, как меняется его лицо, когда он перестает улыбаться.

Алеша ассоциируется у меня с огромным бычком. Крепкая шея, широкие плечи, уверенность в каждом движении. И сейчас он прет на меня напролом. Вряд ли решил просто поболтать с одинокой девушкой в баре и проследить, чтобы она закусывала. Его мотивы и желания понятны. По крайней мере, здесь не нужно гадать, почему мужчина смотрит на меня, придвигается ближе и не спешит возвращаться к друзьям.

Почему-то от этого становится немного легче. Значит, я еще могу кому-то нравиться. Даже в этом дурацком тренче, с дрожащими руками и лицом, на котором наверняка написано все, что со мной сегодня произошло.

— Алеша... Говоришь, что добрый самаритянин? — тяну задумчиво, рассматривая здорового бычка.

Влад не любит меня. Не видит во мне даже женщину. Только удобную жену, которую нужно потерпеть еще годик. От этой фразы снова становится больно, но теперь к боли пришивается злость.

Но он очень амбициозен и самолюбив. Ему точно будет неприятно узнать, что ему изменяет его домашняя овца. Та самая, которая верит каждому слову, извиняется за подозрения и старается быть хорошей.

— И? — густая бровь смешно изгибается

— Можешь мне помочь? — в моей голове даже до конца мысль и план не сформировались, но я уже задаю этот безумный вопрос, отрезая пути назад.

— Мне нужно, чтобы ты пошел в гостиницу через дорогу ко мне в номер и трахнул меня. — бармен, натирающий стакан, идет пятнами. А я как школьница хихикаю от того, что незнакомому мужику говорю «трахнул».

— Думаешь откажусь? — он наклоняется, его дыхание обдает меня жаром. — Пошли... только не в гостиницу, а ко мне. Люблю трахаться на своей территории.

7

Сказал бы мне кто-то, что я пойду домой к незнакомому мужику, габариты которого можно смело назвать аномальными, я бы не поверила. Еще и обиделась бы за такие предположения.

А сейчас держу его за ручку и посл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.